

Таким образом, влияние русской литературы на японскую отражает специфические черты самой японской литературы и культуры.

Статья надійшла до редколегії 04.01.92

З у м о в а м

The article is dedicated to the little known for the Russian professional reader questions of Russian literature influence on the new Japanese prose. Perception of the Russian material (I. Turgenev, L. Tolstoy, F. Dostoevsky) by the Japanese literary men (Futabatei Simey, Tayafe Katay, Nagaya Ejiro) is given in the context of the concrete historical changes in the literary process of Japan.

В.М.Тихомиров, проф.,
Н.Б.Мантуло, асп.,
Запорожский университет

А.И.ГЕРЦЕН И ФРАНЦУЗСКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ
/ВОЛЬТЕР, РУССО/

На связь Герцена с просветительской идеологией и эстетикой, в частности французской, указывали в своих трудах Я.Эльсберг, Г.Поспелов, Л.Гинзбург, Л.Матюшенко, В.Туниманов, Л.Ланский и другие советские исследователи. [3, с. 22, 76-77; 4; 5, с. 161, 165, 167, 170, 172; 6, с. 125; 8, с. 241, 259; 9, с. 184-185]. Однако указания этих ученых, несмотря на ценность, остаются лишь отдельными замечаниями и наблюдениями. Назрела необходимость посвятить исследованию данной проблемы специальную работу.

Своеобразие Герцена, его притяжение и отталкивание от просветительства лучше всего выявляются при сопоставлении общественно-политической и эстетической позиции русского писателя с позицией французских просветителей. Именно французская прогрессивная мысль XVIII ст. в непримиримой борьбе с феодальными отношениями выработала основные очертания просветительской идеологии, получившей широкое распространение в других европейских странах, в том числе в России XVIII-XIX ст.

© Тихомиров В.М., Мантуло Н.Б., 1993

Г. Пospelов писал о "классическом выражении" просветительства во французской литературе XVIII ст. [7, с. 37].

Осознанная общность исторических задач и стремлений определяет огромный интерес Герцена к французским просветителям, прежде всего к Вольтеру, Дидро и Руссо. Сочинения писателя пестрят многочисленными ссылками на этих "титанов", как называл их Герцен [2, т. II, с. 33]. Французские просветители не только повлияли на формирование мировоззрения Герцена, но и "сопровождали" его творческий путь, воздействовали на художественное творчество.

Отдавая себе отчет во всей многогранности проблемы "Герцен и французские просветители XVIII ст.", мы выделяем в ней следующие аспекты: закономерность обращения Герцена к великим просветителям XVIII ст., в частности французских, осознание им своей общности и принципиального различия с ними, традиции Руссо и Вольтера в творчестве русского писателя.

В "Вылом и думах" Герцен приводит интереснейшие суждения своего друга Т.Н. Грановского: "Твои мнения, - сказал ему Грановский, - точно так же исторический момент в науке мышления, как и самые писания энциклопедистов. Мне в твоих статьях нравится то, что мне нравится в Вольтере и Дидро; они живо, резко затрагивают такие вопросы, которые будят человека и толкают вперед..." [2, т. 9, с. 209]. Другими словами, Грановский восхищался силой революционно-пропагандистской мысли энциклопедистов и Герцена, в этом видел их близость.

В статье "Революция в России" /1857/ Герцен провел прямую параллель между пропагандистской деятельностью энциклопедистов, в частности Вольтера, и своей собственной. В этой же статье Герцен сделал вывод о том, что Россия накануне революционной ситуации 1789 г.: то же хищное дворянство, грабившее народ с беспощадной жестокостью, те же отсталость и ужасающая бедность крестьянства. "Не правда ли, как все это сбивается на наше современное состояние?" - пишет Герцен [2, т. 13, с. 27]. Однако это не означает, что писатель не видит различий между общественно-политическими ситуациями в двух странах.

Герцен с болью писал о торжестве в современном буржуазном обществе мещанства, культа наживы, об оскудении светлых идеалов просветителей XVIII ст., великих лозунгов 1789 г. "Все мельчает и вянет на истощенной почве - нет талантов, нет силы мысли; мир этот пережил эпоху славы, время Шиллера и Гете прошло так же,

как время Рафаэля и Буонаротти, как время Вольтера и Руссо...", — писал Герцен в 1847 г. в книге "С того берега" [2, т. 6, с. 57].

С точки зрения Герцена, не столько Западная Европа, сколько феодально-крестьянская Россия продолжает традиции Просвещения. Именно на ней прежде всего лежит ответ просветительских идей XVIII ст. "Мы не берем в расчет, что половина речей, от которых бьется наше сердце и подымается наша грудь, сделались для Европы троизмами, фразами" [2, т. 10, с. 239].

Все сказанное объясняет огромный интерес Герцена к просветительству XVIII ст., в частности французскому, стремление "примерить" его идеи к современной русской жизни.

Из французских просветителей наиболее близкими Герцену по духу были Вольтер и Руссо. Именно их русский писатель чаще всего вспоминал в своих сочинениях. Можно предположить, что Вольтер и Руссо представляли предельное выражение качеств, присущих самому Герцену — отрицание, ирония, любовь, сострадание. "Что за огромное здание воздвигнула философия XVIII ст., у одной двери которой блестящий, язвительный Вольтер... и у другой — мрачный Руссо, полубезумный, наконец, но полный любви..." /Здесь и далее подчеркнуто нами. — В.Т., Н.М./, — записал Герцен в "Дневнике" в 1842 г. [2, т. 2, с. 208]. Истоки альтруизма Руссо определяются как "чисто демократическая реабилитация" человека, любовь к "массе". С этой позиции критикуется аристократизм Вольтера, замкнувшегося в своей иронии. Все это отнюдь не означает умаления Герценом заслуг Вольтера. Более того, в ряде случаев беспощадный вольтеровский смех для Герцена оказывается ближе, чем плач Руссо. Испытывая негодование и горечь по отношению к торжеству мещанства в современной Франции, в "Письмах из Франции и Италии" /1854/, Герцен берет себе в союзники Вольтера. Видна прозрачная аналогия между собственным беспощадным отрицанием бездуховности мещанства и разрушительным смехом Вольтера. "Действительно, смех имеет в себе нечто революционное... Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо..." [2, т. 5, с. 89]. В "Письмах с того берега" /1858/ Герцен опять ставит "эгоиста" Вольтера выше "любящего Руссо" [2, т. 6, с. 129]. Как видим, оценка двух великих французских просветителей была у Герцена достаточно противоречивой. Она во многом зависела от злобы дня, конкретных обстоятельств, колебаний самого писателя между радикализмом и либерализмом. Одно несомненно, Вольтер и Руссо всегда были духовными спутниками Герцена. Именно они прежде всего стоят у исто-

токов Великой французской революции, которую Герцен чрезвычайно высоко ценил. "Французская революция! Да знаете ли вы, что, породив такую эпоху, человечество отдыхает целые столетия? Дела и люди этих торжественных дней истории остаются, подобно маякам, предназначенным освещать дорогу человечеству...", — писал Герцен в рецензии на драму Ф. Понсара "Шарлотта Корде" [2, т. 6; с. 243].

Итак, отношение Герцена к злой, беспощадной иронии Вольтера не было безусловно положительным. Ей Герцен противопоставил смех сквозь слезы Гоголя и Белинского, в котором одновременно выявляется любовь и негодование. Эти же качества писатель высоко ценил в Руссо, который, "страстно любя мир", ненавидел его пороки [2, т. 6, с. 28].

Приклоняясь перед гуманизмом Руссо — "поэта братства и любви", критикуя бездуховность мещанства, искажившего естественные понятия свободы и счастья, Герцен закономерно должен был дать оценку руссоистской теории естественного человека.

Писатель во многом соглашается с Руссо в критике неестественности, неразумности цивилизации: "... Я не могу безусловно принять за вранье того, что он говорит об искусственности в жизни современного ему общества: искусственным кажется неловкое, натянутое, обветшалое. Руссо понимал, что мир, его окружавший, неладен..." [2, т. 3, с. 92]. Однако, с точки зрения Герцена, Руссо "не сообразил, что восстановление первобытной чистоты более искусственно, нежели выжившая из ума цивилизация" [2, т. 3, с. 92]. В отличие от Руссо и других просветителей XVIII ст., Герцен выдвинул положение о том, что человек придет к естественному, природосообразному состоянию в далеком будущем, в процессе своего исторического, антропологического развития. "Человек не отошел, как думали мыслители XVIII века, от своего естественного состояния, он идет к нему" [2, т. 3, с. 294]. С точки зрения Герцена, в результате тысячелетнего развития общество придет, наконец, к "безыскусственному, прямому воззрению", к гармонии человека и природы, это произойдет в результате успехов науки и прогресса разума.

Идеи, первоначально изложенные Герценом в "Письмах об изучении природы", в середине 40-х годов художественно воплотились в его романе "Кто виноват?" и повести "Доктор Крупов".

В связи с рассматриваемой нами проблемой весьма интересно отношение Герцена к педагогической системе Руссо, к его идее

"естественного" воспитания. В "Былом и думах", описывая воспитание собственного сына, Герцен вспоминал Руссо. Друг писателя Кетчер, имевший "эмилевское понятие" о воспитании, советовал ему воспользоваться педагогической системой великого женева — "исторгнуть ребенка из искусственной жизни и сознательно вернуть его в дикое состояние..." [2, т. 9, с. 231]. Как писал Герцен, он и сам был "не очень далек от этого взгляда", но все-таки возражал против "фанатизма" этой системы, которая "отрешала ребенка от исторической среды, делала его в ней иностранцем" [2, т. 9, с. 232]. И так, с позиции историзма Герцен не принял утопических стремлений Руссо и его последователей отгородить личность от влияния внешних условий, оставить ее наедине с природой. Указанные страницы "Былого и дум" повествуют о середине 40-х годов, времени работы Герцена над романом "Кто виноват?". Не случайно в этом произведении автор также обратился к педагогическим идеям Руссо. Имена Руссо и Вольтера появляются на страницах романа еще до Бельтова.

Дядя Бельтова, богатый помещик екатерининской эпохи, поссорился с родными и уехал в Европу, где познакомился с учением французских просветителей. Конечно, увлечение екатерининского вельможи идеями просветителей было данью моде. Поэтому оно не пошло дальше чтения современных книг, покровительства Руссоисту Жозефу, разговоров об общественном благе. Демократизм, революционность Жан-Жака, конечно, прошли мимо его внимания.

Более глубокое воздействие идеи Руссо имели на Бельтова, которого воспитывал женеваец Жозеф, пропагандист педагогических идей своего великого соотечественника. Как писал автор, в результате этого воспитания Жозеф сделал из Бельтова "человека вообще, как Руссо из Эмиля..." [2, т. 4, с. 120].

В условиях жесточайшей николаевской цензуры Герцен не имел возможности полностью раскрыть антисловную, демократическую сущность воспитательной системы Руссо. Однако он показал, как женеваец в соответствии с идеями Жан-Жака стремился воспитывать в Бельтове человека свободного, проникнутого "любовью к ближнему" и к общему благу [2, т. 4, с. 98]. В итоге, стремясь в духе Руссо освободить личность Бельтова от тлетворного влияния порочной феодально-крепостнической среды, Жозеф "своим отшельническим воспитанием" сделал все, чтобы его воспитанник вообще не понимал действительности [2, т. 4, с. 92]. Бельтов пасует и даже "трусит", по словам автора, соприкасаясь с "серым светом" реальности.

Конечно, Герцен видел недостатки руссоистской системы воспитания, которая ради освобождения от порочных обстоятельств создавала "человека вообще". Аналогичная критика в адрес Руссо звучит и в романе И.С. Тургенева "Дворянское гнездо" при описании воспитанник Лаврецкого. Однако стремление руссоистов воспитать человека естественного, свободного от влияния порочных обстоятельств, было для Герцена весьма привлекательным. А бескорыстный пропагандист этих идей Жозеф вызывает несомненную симпатию автора и читателя.

В последующем творчестве Герцена, особенно в повестях "Доктор Крупов" /1846/ и "Поврежденный", связи с традициями Руссо и Вольтера усиливаются.

Повесть "Доктор Крупов" благодаря своей философской насыщенности, "теоретической" стройности восходит к жанру просветительской философской повести. Структура произведения, группировка эпизодов подчинены доказательству и развитию "чрезвычайно важной теории" доктора Крупова о неразумности, безумии людей и даже всего человечества. Метод доказательства - переход от частных случаев к "общей статистике помешательства" [2, т. 4, с. 263].

Полное отрицание разумного смысла человеческого существования дает основание для сопоставления "Доктора Крупова" с вольтеровским "Кандидом". Тем более, что в пользу такого сопоставления свидетельствуют частые ссылки Герцена на испепеляющую силу смеха Вольтера. Да и чуткие современники Герцена /Грановский, Белинский/ сразу же после его вступления в литературу стали сравнивать писателя с Вольтером.

В "Кандиде" критика неразумности человеческих отношений доходит до изображения сумасшествия всего человечества. "Бросив взгляд на этот шар, или, вернее, на этот шарик, я думаю, что Господь судал его какому-то зловредному существу ..", - говорит Мартэн, выражая мысль самого Вольтера [1, с. 343].

Переключаясь с вольтеровской критикой исторического оптимизма доктора Панглоса /"все необходимо и создано для лучшей цели"/, Герцен писал в "Докторе Крупове": "Историки стремятся всегда выставить .. триумфальную разумность и необходимость всех народов и событий совсем напротив, надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии..." [2, т. 4, с. 264].

Кровопролитные, бессмысленные войны, безумная жестокость религиозного фанатизма, отчуждени людей от разумной естественности в их личных взаимоотношениях - все эти картины патологического

безумия человечества описаны Вольтером и Герценом. Поэтому можно сделать предположение, что "Доктор Крупов" соотносится с "Кандидом" не только типологически, но и контактно. Разумеется, эту контактную связь не следует увеличивать. Тем более, что Герцен устами рассказчика заявил: "Не гордость и пренебрежение, а любовь привела меня к моей теории..." [2, т. 4, с. 266]. Так автор стремился уравновесить в повести два начала /пренебрежение и любовь/, о которых он писал, сравнивая Вольтера /пренебрежение, скепсис/ с Руссо /любовь/ в "Дневнике" за 1842 г.

Начало любви и сострадания в повести Герцена воплощено прежде всего в образе безумного Левки. Может быть, в этом образе дана своеобразная трагически-грустная пародия на естественного человека в духе утопий Руссо и других французских просветителей.

Повесть "Поврежденный" /1851/ создавалась Герценом в период духовной драмы в связи с глубочайшим разочарованием в европейской цивилизации. В этот период обострился интерес русского писателя к Руссо, объявившему цивилизацию злом и ложью еще в XVIII ст.

В жанровом отношении повесть "Поврежденный", как и "Доктор Крупов", весьма близка к просветительской философской повести. Эта близость подкрепляется несомненной общностью проблематики. В центре повести Герцена — проблема "человек и природа", точнее, трагические последствия отчуждения личности от гармонии с природой в современном цивилизованном мире. Поэтому вполне закономерным является "присутствие" в повести Вольтера и Руссо, полемизирующих по данному вопросу [2, т. 7, с. 375].

Подобно философской повести XVIII ст., повесть Герцена отличается четкой структурой: каждый эпизод "играет" на общую нравственно-философскую проблематику, каждое лицо в той или иной мере соотносится с идеей. Правда, в отличие от вольтеровской философской повести, у Герцена персонаж отнюдь не является простым рупором идей и среды, он более многогранен и многомерен в соответствии с жизненной правдой.

Композиционно повесть делится на три части, связанные единством философской проблематики: описание природы, встреча с "поврежденным", объяснение его истории в финале.

В начале повести удивительная, свободная природа Средиземноморья возле Ниццы контрастирует с неестественностью человеческих отношений. Именно в общении с природой уставший лирический герой находит то "бескорыстное" и "настоящее", чего лишился современный человек [2, т. 7, с. 364].

Идейная значимость пейзажной зарисовки проявляется лишь в соотношенности со второй частью — во время философских откровений "поврежденного" Евгения Николаевича. Последний заявляет, что наша планета "больна", у людей "ум за разум зашел", "равновесие потеряно". В духе идей Руссо "поврежденный" предлагает спасение современного человечества от пороков цивилизации: "К природе... к природе на покой" [2, т. 7, с. 377]. Это спутник, лекарь, сразу же доводит эту мысль до парадокса, заявляя, что Евгений Николаевич предлагает людям отправиться "враспынную по лесам" [2, т. 7, с. 377].

Разумеется, "поврежденный" знает обратную, теневую сторону руссоизма, помнит он и иронические реплики Вольтера в адрес Жан-Жака: "...учиться ходить на четвереньках поздно" [2, т. 7, с. 375]. И все-таки в своем ответном страстном монологе, полном любви к людям и страдания за их пороки, он произносит: "...Когда такие страдания и плач людей становились громче и громче, зло очевиднее и очевиднее, тогда я перестал прятать истину. Мы погибшие люди, мы жертвы новых отклонений..." [2, т. 7, с. 375]. По существу "поврежденный" высказывает мысли, выраженные самим Герценом в работе "Чтоб выразуметь эту исповедь страдальца" /по поводу Руссо/. По мнению Герцена, Руссо несет в себе "скорби всего человечества XVIII ст.", "всепоглощающую любовь к нему" [2, т. 1, с. 329].

В третьей части повествуется о драматической любви Евгения Николаевича к горничной Ульяне. Их естественное чувство стало жертвой векового социального разъединения и взаимного непонимания между господами и слугами.

Рискованно сравнивать такие несоизмеримые величины, как Руссо, которого при жизни объявили сумасшедшим, и "поврежденного" Евгения Николаевича. Однако в пользу такой аналогии свидетельствует то, что сам Евгений Николаевич, отстаивая свои выстраданные убеждения, берет себе в союзники именно Руссо.

Эту аналогию прежде всего нужно искать в истоках "повреждения" Руссо и персонажей Герцена. В книге "С того берега" Герцен писал, что "современники не могли ему /Руссо. — В.Т., Н.М./ простить, что он высказал тайные угрызения их собственной совести, и вознаграждали себя искусственным хохотом презрения... Они смотрели на поэта братства и свободы как на безумного; они боялись признавать в нем разум, это значило бы признать свою глуп-

пость, а он плакал об них" [2, т. 6, с. 87]. И так, люди не могли прости Руссо, что он высказал беспощадную правду о них /"тайные угрызения их собственной совести"/. И "поврежденный", по словам лекаря, говорит "такие вещи, ну просто волге дыбом становится, - все отвергает" [2, т. 7, с. 376].

В повести "Доктор Крупов" естественные качества личности оказались воплощенными в образе "глупорожденного" Левки, в повести "Поврежденный" носителем руссоистских мыслей о гибельности цивилизации для личности, об утрате ее естественной простоты и гармонии с природой становится "поврежденный" Евгений Николаевич. Так выражается мысль о невозможности в "нормальных условиях" воплощения руссоистской идеи "естественного" человека. Герцен, как отмечалось выше, предвидит такое воплощение лишь в далеком будущем.

Итак, мы исследовали главные, хотя и не все проблемы притяжения и отталкивания Герцена от французских просветителей Вольтера и Руссо. За пределами исследования остались вопросы этики, философские проблемы.

1. Вольтер. Поэмы. Философские повести. Pamфлеты. К., 1989. 2. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. 3. Гинзбург Л.Я. "Былое и думы" Герцена. М., 1957. 4. Ланский Л. Герцен и Франция // Лит. наследство. Герцен и Запад. М., 1985. 5. Матюшенко Л.И. От психологического течения критического реализма к социалистическому /А.И.Герцен/ // Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. М., 1973. Т. 2. Кн. 1. 6. Поспелов Г.Н. История русской литературы XIX в. М., 1981. 7. Поспелов Г.Н. Вопросы методологии и поэтики: Сб. статей. М., 1983. 8. Туниманов В.А. А.И.Герцен // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. 9. Эльсберг Я.Е. Герцен. М., 1963.

Статья надійшла до редколегії 10.12.91

S u m m a r y

The article is dedicated to the problem of influence of the French enlighteners' ideas (Voltair and Russe) on A.Gertsen - the Russian writer and public figure of the 19th century, in particular on the structure of his works. " The Past and Thought's ", " Who is to Blame? ", " The Insane " .